

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВ

Тсс!

или ДОЖДЬ СВОИХ
НЕ ОТПУСКАЕТ

18+

Александр Козлов

Тсс! или Дождь

своих не отпускает

<https://litres.ru/73984319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва тонет в дожде, который не прекращается больше трех недель. Город задыхается от сырости, но вода — не главная угроза. В лужах, витринах и мокрых стеклах отражаются не те, кто в них смотрит...

Вера, архитектор дождевых систем, теряет свое отражение в лифте собственного дома. В тот же день ее бывший муж, следователь Илья Штормов, рассказывает о двадцати трех бесследно исчезнувших — все в дождь, все возле воды. Но настоящий ужас приходит ночью: в оконном стекле появляется младшая сестра Веры, пропавшая полгода назад. Она вернулась и просит помочь, но она пришла не одна.

Под Москвой, в подземных реках и мокрых отражениях, живет другой город — перевернутый, населенный теми, кого вода забрала.

Чтобы вернуть сестру, Вере придется добровольно шагнуть в отражение. Но из Москвы-в-отражении не возвращаются. Только если кто-то — по любви — не согласится занять твоё место.

Визуальное оформление обложки выполнено при поддержке ИИ-сервисов «Алиса Про» и GigaChat

Содержание

Глава 1. Отражение	5
Глава 2. Мокрая тьма	12

Александр Козлов

Тсс! или Дождь своих не отпускает

Глава 1. Отражение

Дождь обрушился на город двадцать три дня назад и с тех пор не умолкал ни на час. До этого Вера полгода убеждала себя, что апрельская трагедия — случайность, единичный кошмар, который никогда не повторится. Дождь доказал обратное.

Вера забросила прогнозы еще на второй неделе. К тому моменту она уже знала: то, что началось в апреле с исчезновения Майи, теперь вышло на улицы. Дождь не причина, а продолжение — вода нашла новый способ говорить.

Поначалу Вера вместе со всей Москвой высматривала просвет в небе — не может же лить вечно, в конце концов, октябрь, а не сезон муссонов. Первый день впечатался в память с пугающей отчетливостью: капли застучали по карнизу во вторник утром, она выглянула в окно и подумала — ну, осень.

К обеду улицы плыли, размываясь под тяжестью воды, а к вечеру остановились три ветки метро. На «Маяковской»

вода хлынула в вестибюль — не просочилась, не натекла, а именно хлынула, единым мощным потоком, сбивая людей с ног и швыряя их к стенам. Вера видела запись с камер: пассажиры карабкались на поручни, цеплялись за перила, скользили и снова лезли вверх, а вода все прибывала — темная, маслянистая, тяжелая, и в ней, как в кривом зеркале, отражались перекошенные лица.

Одна женщина — Вера запомнила ее, потому что не могла забыть, — стояла по колено в потоке и смеялась. Не кричала, не звала на помощь и не пыталась спастись, а истерически хохотала, запрокинув голову к потолку, где мигали и гасли лампы. Потом наклонилась, всматриваясь в свое отражение. Долго изучала его, как будто видела впервые, и тихо, одними губами произнесла: «Наконец-то». Камера четко зафиксировала эти слова, а диктор позже нервно шутил о «странном поведении пассажиров». После этого она исчезла под водой — просто растворилась в луже глубиной по колено, без всплеска и следа. Диктор назвал случившееся «аномалией», но за его бодростью скрывался явный страх.

На следующий день кошмар повторился на «Третьяковской». Мужчина в деловом костюме, с портфелем и галстуком, сбившимся набок, стоял у зеркальной колонны и разговаривал с отражением. Сначала тихо, шепотом, потом все громче, срываясь на крик, а затем и вовсе начал биться лбом о холодную поверхность зеркала, раз за разом, пока не раскроил череп. Кровь растекалась по полу, смешиваясь с кап-

лями конденсата, а отражение, сказали свидетели, ни разу не шевельнулось. Просто стояло и улыбалось, наблюдая, как человек перед ним медленно оседал, пока наконец не затих.

Случай произошел и на «Киевской». Пожилая женщина застыла посреди зала, глядя в пустоту, а вокруг нее кружились капли воды, повинувшись невидимому ритму. Потом кружение капель стало просто частью городского шума, и никто уже не замечал этого — или делал вид, что не замечает. Город еще цеплялся за привычный порядок: автобусы выезжали по расписанию, светофоры мигали, люди раскрывали зонты и бежали по лужам, веря, что завтра распогодится.

Но завтра не распогодилось. И послезавтра тоже. Ожидание схлынуло, выдохлось, оставив после себя практичную, почти тюремную дисциплину выживания. Люди научились обходить затопленные участки, проверять зеркала перед тем, как войти в помещение, и не задерживаться взглядом на собственных отражениях дольше пары секунд.

Вера купила вторые резиновые сапоги — первые не просыхали даже за ночь возле батареи — и переложила в сумку запасные носки, завернутые в полиэтилен. Тогда же начала замечать, что прохожие отводят глаза от луж. Не просто перешагивают — отводят, как от чужой беды. А некоторые — Вера видела дважды — наклонялись к воде и что-то шептали, прижав ладонь к мокрому асфальту. Один раз она даже поинтересовалась у женщины, что та делает. Женщина подняла пустые глаза и сказала: «Передаю привет сыну. Он

там», — и ушла с облегчением. Вера не стала ее догонять.

Спустя еще несколько дней она отучила себя вздрагивать, когда порыв ветра швырял в окно пригоршню капель. Звук бил картечью, резко и дробно, и поначалу каждый такой залп отзывался внутри электрическим разрядом. Этот грохот стал частью повседневности — его перестаешь замечать, как дыхание или биение сердца.

Сегодняшний день, понедельник это или вторник, слился с предыдущими в бесконечную ленту мокрого асфальта и свинцового неба. Дни недели и числа перестали иметь значение. Время теперь измерялось не по календарю, а по тому, насколько промокла одежда и сколько чашек чая выпито.

Вера вернулась домой затемно — задержалась на объекте: на Новом Арбате переделывали узел водоотвода. Типовой проект захлебывался, не справляясь с аномальным потоком, и строительная площадка неотвратимо превращалась в болото. Экскаватор стоял по самую кабину в жидкой глине, рабочие ходили злые, а прораб прятал глаза.

Она простояла три часа под навесом из полиэтилена, сверяя чертежи с реальностью, пока не охрипла, объясняя, что коллектор необходимо расширять, а не латать. Прораб кивал, курил, стряхивая пепел прямо в лужу под ногами, и ничего не делал. А перед ее уходом сказал — тихо, глядя в сторону:

— Вы бы поосторожнее, Вера Андреевна. Тут на прошлой неделе такое было... Сварщик наш, Коля, стоял у лужи, ку-

рил. А потом наклонился, как будто что-то увидел. Я его окликнул — он не ответил. Подошел ближе, а он уже по пояс в воде. И лицо такое... спокойное. Как у святого на иконе. Я его за плечо схватил, дернул, а он не идет. И говорит: «Не мешайте, я сейчас». И улыбается. А потом просто... ушел. С головой. В лужу, Вера Андреевна. В обычную лужу глубиной по щиколотку. Мы ее потом перерыли — там только асфальт. Но знаете, что самое страшное? Он до сих пор мне снится. Каждую ночь. Стоит, машет рукой и зовет по имени.

Прораб замолчал. Достал новую сигарету, прикурил — пальцы у него дрожали крупной, старческой дрожью, хотя мужику от силы лет сорок.

— Я в полицию звонил. Они сказали — переутомление, недосып, галлюцинации. Посоветовали больше отдыхать и меньше пить. А я не пью. И Коля не пил. И еще — он не один такой. Вчера крановщик Саня сказал, что видит своего отца в каждой луже. Отец у него умер три года назад. Утонул на рыбалке. Тело так и не нашли. А теперь стоит, говорит, под водой и улыбается. И Саня не идет, но держится. Но с каждым днем все ближе подходит. Вчера уже по щиколотку зашел. Я его оттащил. А сегодня он на работу не вышел. Телефон молчит.

Вера смотрела на прораба и молчала. Тот сплюнул, растер плевков сапогом и добавил, не глядя на нее:

— Вы, Вера Андреевна, если увидите кого в воде — не отвечайте. Что бы они ни говорили, как бы ни звали. Не от-

вечайте. Они уже не люди. Они — отражения. А отражениям верить нельзя.

— А кто-нибудь вообще понимает, что происходит?

— Власти молчат, ничего не комментируют, только обещают, что все под контролем...

— Бред какой-то, ей-богу!

Она ушла, и всю дорогу до дома перед глазами стояла картинка: человек уходит в лужу, как в дверь, а на поверхности остаются круги.

Подъезд встретил ее запахом сырой штукатурки. К нему примешивался острый, почти химический дух кошачьей метки — едкий, намертво въевшийся в бетон. Лампочка на втором этаже не горела третью неделю. Под ногами хрустнула россыпь штукатурки — темный провал на площадке. Жильцы то ли привыкли к темноте, то ли просто махнули рукой на все, что находилось за пределами их квартир.

Вера поднималась, ведя ладонью по холодным перилам, и шаги по бетонным ступеням звучали гулко, одиноко. Сосед сверху сегодня молчал — его перфоратор, терзавший перекрытия всю прошлую неделю, наконец затих. Тишина стояла почти неестественная, нарушаемая только шорохом дождя по жестяному козырьку.

Она задержалась на секунду, прислушиваясь. Сверху раздался скрип половицы — одинокий, без продолжения. Следом с пятого этажа донеслось тихое, ритмичное постукивание: кто-то бил костяшками пальцев по стеклу. Три корот-

ких удара, два длинных, снова три коротких — SOS — и все стихло.

А потом Вера услышала шаги. Медленные, шаркающие, спускающиеся сверху. Имя Майи всплыло в голове раньше, чем она успела его запретить. Она стояла, вцепившись в перила, и слушала.

Глава 2. Мокрая тьма

Шаги приближались. Ступенька за ступенькой. Вот они уже на площадке между четвертым и пятым этажами. Вот уже на четвертом. Вера замерла, тело перестало подчиняться. Шаги остановились прямо за ней. Внутри все похолодело — по спине пробежал ледяной сквозняк, повеявший сырой землей и речной водой.

Кто-то стоял сзади, совсем рядом. Она слышала его дыхание — влажное, неровное, с присвистом. Вода капала — кап, кап, кап — прямо на бетонный пол.

— Вера, — произнес голос, тихий, знакомый до боли в сердце. — Вера, посмотри на меня.

Она не обернулась. Просто не смогла. Стояла неподвижно, вцепившись в перила мертвой хваткой, и чувствовала, как по щекам текут слезы. Голос Майи звучал так близко, так реально, что хотелось забыть обо всем — о предупреждении прораба, рассказах про отражения, даже о собственном страхе. Хотелось обернуться и увидеть сестру. Обнять ее, сказать, что все будет хорошо.

— Ты не хочешь на меня смотреть? — в голосе Майи слышалась обида. — Ты меня больше не любишь?

— Я люблю тебя, — прошептала Вера одними губами. — Но ты — не она.

За спиной сгустилась тишина. А потом — тихий, булька-

ющий смех, какой бывает, когда вода попадает в горло.

— Умница, — произнес низкий, почти утробный голос, и теперь в нем звучало что-то чужое, древнее, как сама вода. — Ты умнее, чем я думал. Но это не спасет тебя. Ты уже слышишь зов, видишь их. Просто еще не знаешь.

Снова раздались шаги. Теперь они уходили вверх — медленно, тяжело, волоча ноги. А потом наступила тишина, и только дождь продолжал свою бесконечную дробь по жестяному козырьку.

Когда все стихло, Вера еще с минуту стояла, держась за перила. Ноги не слушались, пальцы задеревенели. Тишина в подъезде стояла такая густая, что звенело в ушах. С трудом заставив себя оторваться от опоры, она на негнущихся ногах поднялась на площадку. Кнопка лифта горела мутным желтым глазком. Вера нажала ее, и когда двери разъехались с тем особенным металлическим стоном, который в панельных домах не меняется десятилетиями, шагнула внутрь. Этот звук она помнила с детства — еще с тех пор, когда приезжала к бабушке, цеплялась за мамину руку и боялась ступить в гулкую полутьму кабины. Детский страх никуда не делся — свернулся под диафрагмой и научился не беспокоить.

В кабине обессиленно прислонилась спиной к холодной стенке и на секунду прикрыла глаза. Сумка оттягивала плечо: ноутбук, мокрые чертежи в тубусе, пакет с кефиром, купленным у метро машинально. Она не любила кефир, но рука

сама потянулась к знакомой упаковке, потому что мама всегда твердила: «Вера, пей кефир, это полезно для желудка». Мама твердила это тридцать лет подряд, и теперь Вера покупала его в каждом магазине — он стал для нее таким же привычным, как дыхание или моргание.

Трагедия грянула в апреле — задолго до дождя и всех этих аномалий, попавших в новости. Майя перестала отвечать на звонки, а через неделю ее телефон отключился совсем. Вера тогда еще верила, что мир устроен разумно, и искала объяснения: похищение, побег, секта. А потом начался дождь, и стало ясно: апрель не конец истории, а ее начало. И каждая секунда между пробуждением и забытием по-прежнему наполнялась одним вопросом — только теперь Вера боялась, что уже знает ответ.

Она открыла глаза. Двери лифта сомкнулись, отрезав звуки подъезда, и в полированной стали напротив проступило отражение. Уставшая женщина тридцати двух лет. Мокрые волосы прилипли к вискам, тушь поплыла под левым глазом. Вера смотрела на себя без интереса, как смотрят на случайную попутчицу в метро, и двойник отвечал тем же. Она перевела взгляд на кнопки. Четвертый этаж. Едем.

Лифт дернулся и замер.

Толчок вышел несильный, но совершенно неожиданный. Вера пошатнулась, выставила руку и уперлась ладонью в холодную сталь. Ладонь легла на металл и ощутила исходящий из него холод — не обычный холод предмета в неотоплива-

емом помещении, а нечто более глубокое; сталь вытягивала тепло и пила его — жадно, бесшумно и методично.

Она выдохнула. Снова заело. Старый лифт. Сейчас поедет.

А потом свет в кабине погас.

Не мигнул — просто погас. Темнота наступила мгновенно, абсолютная и плотная — та самая «кромешная тьма», в которой нет ни лучика, ни отблеска, ни тени. Вера не видела даже собственной руки, поднесенной к лицу.

Вдруг в этой темноте отчетливо раздался звук, от которого кровь остановилась в жилах. Дыхание. Чужое дыхание здесь, в кабине, совсем рядом — влажное, неровное, такое же, как на лестничной площадке пару минут назад. Оно доносилось отовсюду сразу. А потом — движение. Что-то влажное и шуршащее скользило по стенам, потолку, полу, приближаясь медленно, но неумолимо.

Вера вжалась в стену. Сердце колотилось у горла. Она не могла ни пошевелиться, ни закричать. Только напряженно слушала, как в кромешной тьме замкнутого пространства что-то ползет к ней.

Студенистое и скользкое, это что-то коснулось ее щиколотки. Не рука — рука не могла быть такой гибкой. Больше похоже на щупальце или ожившую водоросль, которая нашла свою добычу. Прикосновение длилось долю секунды — вязкое и присасывающееся. Затем оно исчезло.

Свет снова вспыхнул — резко, ослепительно больно. Ве-

ра зажмурилась и тут же снова открыла глаза. В кабине никого. Только ее отражение в полированной стали и тишина. Но на полу — Вера посмотрела вниз и похолодела — остался влажный, извилистый след, похожий на след змеи. Он тянулся от зеркальной панели прямо к ее ногам и обрывался у носка сапога.

Она оттолкнулась от стены, шагнула вперед и повернулась к дверям. Взгляд невольно остановился на зеркальной панели.

Отражение оставалось неподвижным.

Ее двойник замер, прижимая ладонь к металлу, и смотрел прямо на нее. Его взгляд не копировал. Он оценивал, изучал — с тем особым, нечеловеческим терпением, какое присуще существам, не знающим торопливости. Зрачки — ее собственные зрачки на чужом, отделившемся лице — расширились, заполнив радужку; в их черноте колыхалась запредельная, нездешняя влага, которая отражала свет кабины и одновременно поглощала его. А за спиной двойника двигалось что-то огромное и бесформенное, заполняя все пространство зазеркалья. Не стена кабины, а что-то другое — живое и дышащее; от него тянуло холодом и вечностью, как от черной воды в дренажных трубах.

Вера машинально поднесла свободную руку к лицу — поправить прилипшую прядь. Двойник не шелохнулся. Стоял в той же позе, вцепившись в панель, и разглядывал ее — спокойно, почти ласково.

Внутри у Веры что-то оборвалось — древнее и глубоко укоренившееся в ее теле. Там, где еще не умели говорить, но уже понимали: отражение в воде должно повторять жест, иначе мир сойдет с ума.

И тогда зрачки двойника двинулись.

Вера почувствовала, как ее собственные глазные мышцы против воли сократились, повинувшись чужому движению. Тело отреагировало быстрее, чем разум успел осознать происходящее. Она не могла отвести взгляд, даже моргнуть. Глаза жгло, будто в них плеснули ледяной водой. Вместе с холодом по зрительным нервам в мозг проникало чужое присутствие, заполнявшее ее изнутри клетку за клеткой.

А потом двойник заговорил. Без голоса — одними губами, но Вера прочитала каждое слово.

«Вода уже внутри тебя. Ты просто еще не знаешь. Она попала туда, когда ты в первый раз заглянула в лужу и увидела свое отражение. С тех пор она растет, ждет и позовет тебя, когда придет время. И ты придешь тоже. Обязательно придешь. Все приходят».

— Господи... — выдохнула Вера.

Дыхание сбилось. Воздух в лифте, еще секунду назад спертый и теплый, внезапно посвежел — от стальных панелей потянуло прохладой. Такой холод накрывает, когда понимаешь, что входная дверь распахнута, хотя ты точно заперла ее на ключ. В прихожей темно, но из этой тьмы веет чужим присутствием, и кто-то в ней затаил дыхание.

Запах сырой земли просочился сквозь стены, смешиваясь с металлическим привкусом на языке.

Отражение, против ее воли, медленно повернуло голову.